

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

С Е Р И Я

НОВОЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА

Санкт-Петербург
2022

символах, особенностях культурного пространства и образа жизни, стиле общения между людьми и отношении к другим культурам. Национальный характер способен поворачиваться разными гранями, непохожими и не совпадающими по форме проявления. Четкость и прозрачность может обернуться размытыми контурами и неожиданными действиями. Размышляя о природе общих понятий, концептов русской культуры, Д. С. Лихачев считает подобные универсалии особым типом мысленных образований, которые «замещают» множество реальных явлений. Это позволяет в определении русского национального характера отвлекаться от индивидуальных форм, оставлять возможность для дополнений, домысливания, сотворчества. Такой подход дает возможность избежать претензии на истину в понимании сложного социального и культурного явления.

Национальный характер как концепт может быть по-разному расшифрован в зависимости от индивидуального опыта и исторической ситуации. Тем не менее как понятие он включает всю сложность реальных отношений, проявляется в значениях языка, стереотипах сознания и поведения, символах и ценностях русской культуры. Русский национальный характер сложился исторически, прошел испытания «на прочность», не растворился в других культурах, сохранил достаточную определенность и узнаваемость и является ценным достоянием народа.

3.2.2. ПРАВСТВЕННОСТЬ ДАЕТ СВОБОДУ

В жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева **нравственность, свобода и патриотизм составляли неразрывное целое.**

В основе нравственности, по Лихачеву, лежит ограничение, которое начинается со слова «нельзя». Нравственность ограничивает произвол, который неразумие легко смешивает со свободой, подменяя принцип «я должен» принципом «я хочу».

Там, где существует культура самоограничения, наступает возможность и для существования подлинной нравственности как свободы мыслить и поступать. И Дмитрий Лихачев, с молодых лет воспитавший в себе подлинного интеллигента, был свободным человеком, даже находясь в заключении.

Нравственность в понимании Д. С. Лихачева изначально противостоит идеологии как тому, что навязано извне, потому что подчиняет человека, превращая его в марионетку, в «винтик», которого, пожалуй, можно назвать принципиально безнравственным. И точно также нравственность противостоит власти, в какой бы форме — деспотичной или демократичной — она ни проявлялась. Цель нравственной свободы — деятельное добро, которое проявляется в любви к человеку, в уважении достоинства и чести человека. Добродейние есть сама суть нравствен-

ной свободы. К деятельной любви призывает Христос, говоря: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Сознательная сила добра проявляется многообразно и всесторонне, что находит свое выражение в «языке добра»: милосердие, жалость, ласковость, забота, внимание, понимание...

Со студенческих лет до последних дней жизни Д. С. Лихачев мыслил и поступал нравственно свободно, каждый раз, особенно при сложных и непредсказуемых поворотах истории, занимая собственную позицию, независимо от того, совпадала ли она или (что было чаще) расходилась как с официальной точкой зрения, так и с общепринятой. Поэтому можно сказать, что главный нравственный урок, преподанный и завещанный нам Дмитрием Сергеевичем, — жить в согласии с собственной совестью, не кривить душой, не «приспосабливаться к обстоятельствам», не оправдывать себя ссылками на то, что «такое было время» и «так поступали все». Д. С. Лихачев постоянно подчеркивал, что в жизни у каждого человека обязательно должно быть одно правило — **прожить жизнь с достоинством**¹.

XX век был веком жестоким, вызвавшим крутые перемены в мире и, пожалуй, особенно — в жизни России. Эти перемены спровоцировали кризис морали. И здесь вполне уместен вопрос: какой морали? На смену морали «гнилой интеллигенции», пришла революционная, марксистская, которая, по словам В. И. Ленина, не содержит «ни грана этики», получившая название «коммунистическая», основанная на принципе детерминизма в теории, а на практике нашедшая свое выражение в классовой борьбе. Новое, марксистское познание морали изначально отрицает ее «беспартийный», внеклассовый, общечеловеческий характер.

В полном соответствии определяющим принципам классовой морали формулируется лозунг, озвученный Максимом Горьким: «Если враг не сдается — его уничтожают». Эта новая, подробно охарактеризованная В. И. Лениным на III съезде комсомола мораль, получившая партийно-государственную поддержку после программного требования В. И. Ленина: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали»², — становится целью системы коммунистического воспитания.

Система воспитания, опирающаяся на идеалы коммунизма, на революционный энтузиазм трудящихся, не только «певших на собраниях» Интернационал, но веривших: «Мы наш, мы новый мир построим, / Кто был никем, тот станет всем», десятки лет формировала строителей коммунизма, готовых во имя прекрасного будущего выдерживать суро-

¹ См., напр.: *Лихачев Д. С. Письма о добром*. СПб.: БЛИЦ, 1999. С. 15.

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 41. С. 309.

вую действительность настоящего. Борьба на фронтах Гражданской войны, преодоление разрухи, восстановление на новых началах экономики, героизм первых «пятилеток», успехи советского народа способствовали укреплению морали, названной коммунистической.

«У советских собственная гордость — / На буржуев смотрим свысока!» — утверждал «лучший поэт советской эпохи» Владимир Маяковский. Даже его самоубийство рассматривалось как нелепая случайность (со ссылкой на его же слова: «Кто, я застрелился? / Такое загнут!»)

Вера в идеалы коммунизма, в возможность построить «бесклассовое общество», не только подкреплялась советской идеологией, реальными достижениями СССР, но и верой в непогрешимость вождя и учителя — никто не сомневался в том, что у нас к 1940 годам были построены «основы социализма», затем — «социализм», и наша страна оказалась по своим социальным достижениям «впереди планеты всей». Эта вера помогла выстоять в самой жестокой из войн XX века — Второй мировой, которая в Советском Союзе получила название Великой Отечественной...

Однако именно в суровое пятилетие 1941–1945 годов, сначала подспудно, как дополнительный идеологический момент, **возродился старый русский патриотизм**, озвученный в словах Сталина о «великих предках» — Суворове и Кутузове. Начавшееся возрождение, восстановление исторической памяти закрепляется в послевоенные годы. Новый подход к изучению истории и литературы, осмысление, а затем и закономерно приходящее чувство гордости за нашу тысячелетнюю (более того — двухтысячелетнюю) историю плавно и как бы незаметно «растворяет» советский патриотизм в патриотизме русском. В 1950-х годах система коммунистического воспитания претерпевает существенные изменения: **восстанавливается в правах теория нравственного воспитания** — этика, разумеется, марксистско-ленинская. **Потребовалось еще около тридцати лет, чтобы, освободившись от идеологического ограничения, этика как наука о нравственности и морали вернулась — окончательно — к своему общечеловеческому содержанию. Таков исторический урок, который необходимо усвоить и запомнить.**

Очевидно, что с уровня современного нравственного и этического развития в начале XXI века легко обличать ошибки, просчеты, заблуждения на разных временных этапах XX века. Но общество нуждается не в подобного рода упражнениях, а в осознании истин, выстраданных историческим развитием. И поэтому прав Д. С. Лихачев: «Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, «накоплений» культуры, память — одна из основ поэзии — эстетического понимания культурных ценностей. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками»¹.

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 147.

Д. С. Лихачев в размышлениях о нравственности менее всего похож на классного руководителя, который обличает, выговаривает, наставляет, напоминает о правилах поведения. Правда, в конце книги «Письма о добром» Дмитрий Сергеевич счел необходимым объяснить свою позицию: «Возможно, у читателя создалось представление об авторе писем как о высокомерном человеке, пытающемся учить всех и всему. Это не совсем так. В письмах я не только “учил”, но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Многое мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт — я и осмыслял свой опыт. Мои письма наставительные, но, наставляя, я наставлялся сам»¹.

Следует сказать и о языке размышлений Д. С. Лихачева. Он ясен, прост, понятен каждому, кто читает его книги. Не случайно в своих размышлениях ученый постоянно обращается к русскому языку: «Самая большая ценность народа — его язык, — язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык»². Русский язык — один из совершеннейших языков мира.

Бедность языка, языковая неряшливость, порча языка — по Лихачеву — показатели невоспитанности, отсутствия культуры. Отношение к языку воспитывается с детских лет, и Д. С. Лихачев неоднократно подчеркивает роль родителей и учителей начальной школы: именно повседневное общение формулирует культуру речи детей и подростков. Но от примеров Д. С. Лихачев всегда переходит к обобщениям. И в «Письмах о добром» он говорит о филологии: «филология — это высшая форма гуманитарного образования, форма, соединительная для всех гуманитарных наук. <...> Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. <...> Она нужна всем, кто пользуется языком, словом, слово связано с любимыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура»³.

Так, переходя от слова к филологии, Д. С. Лихачев переходит к культурному смыслу филологии, к ее роли в накоплении ценностей культуры. И вполне закономерно — к ее нравственному значению: «Чем большими ценностями мы овладели, тем более изощренным и острым ста-

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 176.

² Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 477.

³ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 170–171.

новится наше восприятие иных культур — культур, удаленных от нас во времени и пространстве <...> Филология сближает человечество <...> и разные человеческие культуры не путем стирания различий в культурах, а путем осознания этих различий <...> их научного осознания, на основе уважения и терпимости к «индивидуальности» культур. Она воскрешает старое для нового. Филология — наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур. Она оправдывает свое название («филология» — любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам»¹.

Нравственность, нравственные пронизывают все размышления Д. С. Лихачева, они оказываются не чем-то извне приложенным, прибавленным к его лингвистическим, философским, культурологическим суждениям, но органично им присущим. Дмитрий Сергеевич **связывает нравственность и культурный кругозор**; более того, для него эта связь — нечто само собой разумеющееся: «...каждый специалист, каждый инженер, врач, каждая медицинская сестра, каждый плотник или токарь, шофер или грузчик, крановщик и тракторист должны обладать культурным кругозором. Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспамятных к прошлому. А для всего этого нужны знания, нужна интеллигентность, дающаяся гуманитарными науками. <...> ...Будьте и филологами, то есть «любителями слова», ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее»². Нравственность содержится в культуре, более того, «безнравственная культура» — словосочетание столь же бессмысленное, как «деревянное железо».

А как связаны нравственность и религия? Достаточно долго, почти все XX столетие, у нас повторяли слова К. Маркса о том, что религия — опиум для народа, человек верующий считался человеком «отсталым»; во всех высших учебных заведениях читались курсы по «научному атеизму». К концу XX века ситуация существенно изменилась: было признано, что **вопрос о вере — сугубо личный вопрос для каждого человека**. Но для академика такая постановка этого вопроса означает не столько даже признание свободы человека в вере, сколько осознание его ответственности за самостоятельное духовное самоопределение.

Д. С. Лихачев был глубоко верующим — и говорит он об этом прямо «Быть верующим — значит, выполнять определенные требования вероучения, вести определенный образ жизни, в согласии с другими верующими и жизнью Церкви. В религиозном духе воспитываются с

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 172.

² Там же. С. 173.

детства. <...> Воспитывая детей в заветах определенной религии или вероучения, мы делаем их более свободными в выборе веры, чем тогда, когда даем им безрелигиозное воспитание, ибо отсутствие чего-то всегда обедняет человека, а от богатства легче отказаться, чем его приобрести. Религия же — именно богатство. Религия обогащает представление о мире, позволяет верующему ощутить значительность всего происходящего, осмысливает жизнь человека, объединяет людей в выполнении определенных религиозных обычаев, обрядов, таинств, составляет самую убедительную основу нравственности. Без религии всегда остается соблазн эгоизма, соблазн замкнутости в своих личных интересах»¹. Содержащееся в религии нравственное начало объединяет людей.

Для Д. С. Лихачева жизнь имеет смысл только как увеличение добра: «А добро — это прежде всего счастье всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать. <...> Большая цель добра начинается с малого — с желания добра своим близким, но, расширяясь, она захватывает все более широкий круг вопросов»².

Особенностью этических взглядов, нравственных принципов, повседневного поведения академика была их **историческая соотнесенность**. То, что в них миг и вечность оказались нераздельны. Любая конкретная, сиюминутная нравственная оценка, нравственное суждение имели прочное историческое основание, а каждое историческое событие — современную нравственную оценку.

Приведем всего два примера. «Как некое духовное сообщество интеллигенция заявила о себе 14 декабря 1825 года на площади Петровой. Восстание декабристов знаменовало собой появление большого числа духовно свободных людей. Декабристы выступили против своих сословных интересов профессиональных (военных в том числе). Они действовали по велению совести, а их тайные союзы не обязывали их следовать какой-то партийной линии»³.

И второй: «Два парохода понадобились осенью 1922 года («Пруссия» и «Бургомистр Хаген»), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности»⁴.

Завершает Д. С. Лихачев рассказ о мужестве тех, кто не запятнал честь русского интеллигента взволнованно и с глубоким уважением: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной совет-

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1994. С. 224–225.

² Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1999. С. 10.

³ Лихачев Д. С. Раздумья о России. С. 624.

⁴ Там же. С. 621.

ской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936 или 1937 году, а сразу же после пришествия к власти большевиков. <...> Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору — в исторической науке, литературоведении, биологии, философии, лингвистике и т. д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полужнаек, полуинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле. Смею утверждать, что они не были интеллигентами в старинном смысле этого слова. Нет ничего опаснее полужнаиства. Полужнайки уверены, что они знают все или, по крайней мере, самое важное и действуют нагло и бескомпромиссно. Сколько людей были выброшены этими полужнайками на улицу!»¹

С глубоким уважением говорит Дмитрий Сергеевич о А. А. Мейере, замечательном русском философе (1875–1938), семь лет проведенном в лагерях, но не эмигрировавшем, который «собирал вокруг себя интеллигенцию, используя свой опыт объединения, полученный еще в ссылках и тюрьмах при царском правительстве»².

Д. С. Лихачев убежден в том, что **человек интеллигентный это, прежде всего, нравственный человек**. Впрочем, столь же твердо и обратное суждение: подлинно нравственный человек всегда интеллигент, ибо для него мыслить и быть нравственным — одно и то же.

И вновь — о репрессиях, но уже в «Воспоминаниях»: «Это теперь только отмечают как “особые” 1936 и 1937 гг. Массовые аресты начались с объявлением в 1918 г. “красного террора”, а потом, как бы пульсируя, усиливались — усиливались в 1928-м, 1930-м и т. д., захватывая не отдельных людей, а целые слои населения, а иногда и районы города, в которых надо было дать квартиры своим “работникам” (например около “Большого дома” в Ленинграде). Как же можно было не знать о терроре? “Незнанием” старались — и стараются — заглушить в себе совесть. <...> А сколько развелось доносчиков! Кто доносил из страха, кто по истеричности характера. Многие доносами подчеркивали свою верность режиму. Даже бахвалились этим!..»³

Нравственность, вера и сила мысли в единстве образуют духовный фундамент человека, достойного называться человеком. Академик от-

¹ Лихачев Д. С. Раздумья о России. С. 620–621.

² Там же. С. 621.

³ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. С. 293.

рицает даже возможность какого-либо компромисса в нравственных отношениях. Здесь только либо-либо: либо нравственный, то есть достойный звания «человек», либо безнравственный (а имя таким — легион: ловчила, лжец, приспособленец, хам и т. п.), по сути не достойный называться человеком. И — никаких переходов: «немножко нравственный», «немножко безнравственный» — все смягчающие формулировки лишь прикрытие безнравственной сущности.

Нравственный человек добр в поступках, но суров в суждениях и оценках. Доброта, однако, отнюдь не «добренький», «всепрощающий», «ссылающийся на то, что человек слаб, надо быть “снисходительным”». Строгость нравственной оценки сближает позиции Д. С. Лихачева и поэта Константина Симонова, который в стихотворении «Друг-друг» столь же бескомпромиссен.

И это не случайно: в дружбе нравственная ценность личности проявляется не только наиболее ярко, но и обретает исключительность: настоящая дружба — на всю жизнь. Недаром в фольклоре, в народных сказках, пословицах и в народной мудрости прославляется настоящая дружба.

Важным нравственным качеством дружбы, и не только дружбы, — **нравственным качеством человека является постоянство и связанная с ним надежность**. Когда, при обсуждении кандидатуры на ответственную и беспокойную должность, скажут: «Он не подведет, он человек надежный», — это будет одной из самых существенных оценок.

Главное в воспоминаниях и размышлениях Д. С. Лихачева — человек. На страницах его книг оживают не некие «тени прошлого», а люди, как правило, нравственно близкие, созвучные автору. И если он время от времени сетует на свою память — то именно там и тогда, когда не может вспомнить имени встретившегося ему на долгом, трудном и благородном жизненном пути человека, достойного доброй памяти.

Вспоминая сложные предвоенные и послевоенные десятилетия, Дмитрий Сергеевич подчеркивает: «“Проработки” 30–60-х гг. входили в определенную систему уничтожения Добра, были, в какой-то мере, тенью показательных процессов конца 30-х гг. и учитывали их “опыт”. Они были видом расправы с учеными, писателями, художниками, реставраторами, театральными работниками и прочей интеллигенцией»¹. Один из ярких примеров — яростная борьба с «морганизмом-менделизмом» (то есть с генетическим учением) на биолого-почвенном факультете ЛГУ в 1948–1950 годах. Виднейшие ученые — профессора, подобные Гербильскому и Полянскому, были подвергнуты публичному осуждению и изгнаны с факультета, где на некоторое время господствующее положение заняли воинствующие невежды, подобные — недоброй

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 359.

памяти — поддержанным философам-догматикам, имена коих еще до конца XX века канули в Лету... И нечто подобное — менялись лишь имена — происходило и на других факультетах, особенно гуманитарных: философском, историческом, филологическом, всюду оказывались «свои»: либо настоящие ученые, либо псевдоученые, но «мастера проработок» и приписывания «идеологических диверсий»... Нет худа без добра: поскольку все «проработки» шли на партийных бюро и партийных собраниях, а «застрельщиками» оказывались коммунисты, уже в те годы началась объективная дискредитация коммунистической партии. Годы, внешне казавшиеся годами ее всемогущества, на самом деле обнаружили ее слабость. Сегодня, вспоминая события тех лет¹, можно сказать, что прав был Д. С. Лихачев: без нравственного фундамента не может быть настоящей науки, как гуманитарной, так и естественной. А «нравственный фундамент» — не абстракция, а люди науки. И академик не случайно вновь и вновь говорит об ученых, которые были образцом нравственности. Вот его отзыв о своем старшем товарище в науке — Варваре Павловне Адриановой-Перетц: «Варвара Павловна <...> уделяла главное внимание моральному облику будущих его членов [имеется в виду создававшийся В. П. Адриановой-Перетц Сектор древнерусской литературы в Ленинградском филиале АН СССР]. Особенно опасалась она принять карьеристов, справедливо придавая большое значение общей дружеской атмосфере, которая должна царить в научном коллективе. Она также считала, что честность в отношениях между научными работниками — показатель честности в самой научной работе <...> Вспоминая отношение, которое существовало в Семинарии В. Н. Перетца к своему учителю, Варвара Павловна придавала особенное значение тому, как относится молодежь к своему руководителю, и никогда не проращала измен своим руководителям, хотя бы и мелких»².

По словам Д. С. Лихачева, В. П. Адрианова-Перетц была настоящим воспитателем молодых ученых — «Она стремилась установить мост между прошлым и будущим, не растерять лучшее в традициях прошлого, соединить в своем лице две формации ученых и передать прошлое в заботливые руки будущего»³.

В рамках движения за сохранение культурного наследия России в одном ряду с В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачевым можно назвать и М. Ростроповича, и Г. Вишневскую, и А. Солженицына, и И. Бродского, и в некотором роде А. Галича, о чем свидетельствуют

¹ Соавтор этого раздела профессор В. Г. Иванов с 1956 по 1993 год работал в ЛГУ им. А. А. Жданова и на себе испытал давление описываемых Д. С. Лихачевым обстоятельств.

² *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 382.

³ Там же. С. 386.

слова поэта: «Наша обязанность — беречь бесценное наследие, доставшееся нам от отцов и дедов. Потому что я совершенно убежден, что когда во всем мире так много говорят о правах человека, то защита духовных ценностей как раз и является частью этой борьбы»¹ — и его горький перечень уничтоженных знаменитых московских церквей — Иверской часовни Божией Матери, Параскевы Пятницы, собора на Страстной площади, храма Христа Спасителя. А вот его суровый приговор: «Там, где попирается право человека на наследие его отцов и дедов, там, следом за этим, приходят ложь, насилие, смерть»².

Так или иначе, но в последние годы можно говорить о постепенном — пусть медленном — но восстановлении нравственных основ жизни российского общества, и, безусловно, происходит это благодаря таким примерам, как жизнь и научное служение Д. С. Лихачева.

3.2.3. ОБ ЭТИКЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ

Среди трудов академика есть небольшая публикация, посвященная этике, точнее — этической стороне научной работы³. **Этические нормы в науке и их нарушения — вот что по-настоящему беспокоило ученого.**

Спрашивать Дмитрия Сергеевича, почему он не написал книгу о значении профессионализма в науке, не приходилось. Видимо, он считал высокий профессионализм ученого качеством очевидным, само собой разумеющимся. Ибо он не застал времен, когда этот профессионализм стал угрожающим образом понижаться, а то и вовсе пропадать.

Между тем в старые добрые времена тема этики ученого казалась многим второстепенной (как и тема этики врача, педагога, журналиста). Точнее, она выходила на первый план в каких-то особых случаях, к примеру, при участии ученого в проекте, связанном с применением атома в военных целях. В этом смысле едва ли основной этической проблемой науки XX века была невозможность для ученого контролировать использование результатов своего труда, что делало людей науки в моральном плане заложниками политического руководства. Как писал Фридрих Ницше: «Идеальный ученый... без сомнения, представляет собой одно из драгоценнейших орудий, какие только есть, — но его место в руках более могущественного»⁴.

¹ Галич А. Возвращение: стихотворения. Л.: Музыка, 1990. С. 308.

² Там же. С. 309.

³ Лихачев Д. С. Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб.: БЛИЦ, 1996.

⁴ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 328.